
Юлия Соло
Слепые боги. Книга 1.
Корни Нави
18+

Слепые боги

Юлия Соло

Слепые боги. Книга 1. Корни Нави

«Автор»
2026

Соло Ю.

Слепые боги. Книга 1. Корни Нави / Ю. Соло — «Автор», 2026 — (Слепые боги)

Земля не помнит молитв — она понимает только язык СНиПов и калорий. 980 год. В вымерзающей пади религия — это аварийный регламент выживания. Старейшина Торх рассчитывает массу человеческого мяса для заложения под фундамент, а Перун — это громоотвод, шунтирующий небо вглубь Русской плиты. Одоба — следопыт, чья кость улавливает тектонический гул Сварогова железа. Став палачом контура, он принимает удар Нави, превращая руку в антрацитовый проводник. Он решает завязать узел-трикстер, чтобы закоротить систему.2026 год. Москва. Кабель-канал под горящим Сити. Инженер Макар фиксирует критический пробой. Автоматика выгорела. Чтобы спасти мегаполис от блэкаута, он вручную вгоняет клемму заземления в пласт метеоритного антрацита.Вспышка в будущем и реверс в прошлом происходят одновременно. Оголенные клеммы одного кабеля соприкасаются сквозь тысячу лет. Морозилка выключилась наглухо. Мясо первородного долга оттаяло, пустив по кабелям столицы вечный белый шум Нави.

© Соло Ю., 2026
© Автор, 2026

Слепые боги. Книга 1. Корни Нави

АКТ I. Мир как Навь (Сырость и Голод)

Глава 1. Землянка

Ладони Одобы не горели. Они были мёртвыми. Сине-серыми от въевшегося в поры барсучьего жира и холодной, склизкой глины. Он сидел на корточках посреди полуземлянки, низко опустив голову, чтобы едкий, неперебродивший дым очага не выжигал окончательно остатки слезящихся, воспаленных глаз. В норе пахло кислым человеческим потом, застарелой мочой, которой старухи в углу вымачивали лосиные шкуры для дубления, и тяжёлым, маслянистым запахом прелого оленьего мозга. Воздух здесь был густым, как болотная жижа. Он стоял в лёгких, забивая гортань мелкой, колючей сажей. При каждом выдохе Одоба чувствовал, как слизистая носа покрывается сухой, известковой коркой. Кожа на щеках высохла, превратившись в жёсткий луб, который стягивало при малейшем движении челюсти.

Одобу тошнило от вида сырого парного мяса и треб, которые Торх регулярно раскладывал на плоском камне у лаза. Он был вегетарианцем поневоле — каждая попытка проглотить кусок кабанины, сваренной в общем котле вместе с прелой осиновой корой, отзывалась в его желудке острой судорогой. Из-за этого в общине его считали порченым, «лишним ртом». Чтобы не сойти с ума от вечного бабьего ворчания и тяжёлого взгляда старейшины, Одоба часами возился в самом темном углу, за перегородкой из ивового плетня. Там, на старой подстилке из сухого тростника, лежал трехногий щенок-заморыш, которого охотники Добрыни хотели утопить в проруби ещё три луны назад. Одоба отбил его тогда, отдал Некрасу последнюю костяную проколку. Сейчас пёс лежал тихо, ткнувшись облезлым носом в его колено. Одоба медленно, стараясь не шуметь, чесал его за паршивым, покрытым лишаем ухом. Пальцы следопыта ловили слабое, быстрое биение живого собачьего сердца. Это было единственное теплое место во всей пади, не завязанное на кровь и требы. Щенок тихонько лизнул его треснувший от извести палец шершавым, горячим языком. Одоба сжал зубы, чувствуя, как к горлу подступает сухой, горький ком обиды на этот выстуженный, расчётливый мир Торха.

Валюты в этот предзимний месяц в общине было всего две: сухой трутовик и полоска заветренного кабаньего сала, которую Торх держал под своей лавкой в окованном костью коробе. Одоба судорожно, ломая ногти, чиркал кремнем о кусок серого колчедана. Искры летели тусклые, рыжие, они мгновенно гасли во влажном воздухе норы. Пальцы отнимались от холода. Стоило Одобе сделать слишком резкое движение, как сухая кожа на сгибах фаланг трескалась с коротким хрустом, обнажая желтоватый, подсохший слой подкожного луба. Крови не было — сосуды внутри предплечий спазмировались от сырости, шедшей от земляного пола. Старуха в углу норы, не разжимая синих губ, лениво ворочала костяным шилом в лоскуте сыромятной кожи. Скрежет кости о высушенную шкуру был долгим, вибрирующим: *вжжих-вжжих*. Из-за очага поднялся Торх. Старейшина тяжело оперся на свой суковатый посох, обмотанный у комля лосиной жилой.

— Ну чё встал, щепа? — Торх тупо ткнул Одобу концом посоха прямо в подвздошную кость, заставив щенка испуганно забиться под лавку. — Шевели костями, пока лед ручей до самого дна не схватил. Проспишь огонь — бабы ночью синими куклами станут, а ров промерзнет так, что и костяным топором не раздолбишь. Наваливай силу, руки у тебя как гнилой камыш. Гляди на него — порченый…

Одоба не ответил. Горло забило сухой озоновой сажей от гнилых осиновых дров. Он взял костяной скребок, выточенный из берцовой кости лося, и вернулся к натянутой на дубовые колышки шкуре трехлетки. Мясо отходило неохотно, с липким, чавкающим звуком, оголяя белые, склизкие волокна сухожилий. Из прорехи на шкуре вывалилась жирная, ленивая личинка овода. Мухи продолжали виться над очагом, садясь на обветренные, потрескавшиеся губы спящих на лавках детей.

Он вылез сквозь узкий, обтянутый подгнившей кабаньей кожей лаз наружу, на волю. Но воли здесь не было. Ноябрьская ледяная крупа мгновенно ударила в лицо, заскрипела на гнилых зубах вяжущей солёной накипью. Никаких величественных столетних боров вокруг их межи не было. Была глухая, мокрая падь. Бескрайняя серая гниль, где вековые ели росли из болотной ржавчины, переплетаясь корнями так плотно, что полуденный свет оставался на мху грязными, сырыми пятнами. У самого входа в полуземлянку, уткнувшись мордой в обледенелый плетень, лежал дохлый кобель — лучший волкодав общины, издохший три дня назад от болотной сухоты. Его брюхо уже лопнуло от внутреннего гниения, и из раны лениво, толчками выползали мелкие, серые веретеницы, искавшие остатки тепла в остывающем мясе. Известковая едкая взвесь, поднимавшаяся от чанов, где бабы гасили щелочь для обмазки стен, выедала лёгкие младенцев. Они умирали беззвучно, задыхаясь белой сухой пеной. Земля высасывала их калории, консервируя кости в мертвеющем палеозое.

Каждый шаг по обледенелому насту отзывался тупым, ломящим ударом в коленях. Суставы выкручивало от сырости, которая не уходила из пади даже коротким летом. Род Одобы жил на этой меже четыре поколения, и за это время никто из мужчин не дожил до седых волос — кости превращались в пористую, хрупкую известняковую крошку под действием болотного сероводорода. Земля выпивала их медленно, забирая кальций из зубов и ребер для укрепления собственных глиняных пластов. Он взвалил охапку жердей на плечо, чувствуя, как мокрая кора давит на ключицы. За спиной, в сером ноябрьском тумане, Змиев вал дымил глубокими трещинами, отсчитывая такты процессора, который запустится только через тысячу лет под гусеницами экскаваторов «Нового Иерусалима».

Глава 2. Линейный досмотр

В лесу пахло не смолой — пахло пережженным стеклом, тухлым костным мозгом и сплавленным кремнем. Ждан, староста лесного рода вятичей, пробирался сквозь завалы Выдубицкого залома, придерживая тяжёлый костяной топор у бедра. Его суконные поршни давно промокли, промерзшая мокрая шерсть кафтана затвердела и колола кожу, как еловые иглы. При каждом шаге волокна ткани шуршали с сухим, бумажным треском, сдирая шею до крови, но Ждан не останавливался. Под его ногами наст хрустел неестественно — со звуком раздавливаемой фарфоровой чашки.

Они обнаружили это место на рассвете, когда погнали псов по следу раненого лося. Зверь ушёл вглубь чащи, но дозорные застыли у края просеки. Лес здесь изменил структуру. Вековые сосны не были сломаны бурей — их стволы на три версты вокруг остекленели, превратившись в монолитные, глянцево-чёрные столбы обсидиана. Мох под ногами выгорел, сменившись мелкой, острой каменной крошкой, которая с визгом резала сыромятную кожу обуви.

Ждан присел у вывороченного корня обсидиановой ели. В самом центре воронки, на глубине человеческого роста, грунт пузырился тяжёлой дегтярной слизью. И прямо посреди этой кипящей жижи лежал кусок чёрного, неестественно тяжёлого металла размером с лошадиную голову. Камень не имел ржавчины, его матовые грани тускло фосфоресцировали глубоким фиолетовым наливом. Ждан ударил по нему обухом костяного топора — инструмент звякнул, кость выкрошилась, не оставив на пришельце из неба ни единой царапины. От металла шло тяжёлое, сухое тепло. Рваная рана на его левом запястье, полученная ещё при чистке кремниевых скребков, давно гноилась; из-под серого луба кожи сочилась густая, зеленоватая сукровица, пахнущая сепсисом и палой травой, но холод выключил рецепторы плоти.

— Бать, брось его… Слышишь, брось, Христа ради, — сзади подошёл его сын, молодой парень с искусанными от холода, потрескавшимися губами. Он испуганно прижимал к груди лук, судорожно оглядываясь на чёрные стеклянные деревья. — Гляди, псы даже выть пере-

стали. Зубы жмет… У меня челюсть сводит, бать. И у коней из ноздрей чёрная пена пошла. Дурное место. Уходить надо к ручью Торха. Земля здесь слепая, она нас не видит.

Ждан медленно поднялся, тяжело дыша через рот. Он сплюнул на обсидиановый корень вязкую, горькую слюну от жеваной осиновой заболони. Глянул на сына мутным, налитым свинцовой усталостью взглядом.

— Молчи, малый, — Ждан хрипло закашлялся, утирая рот ладонью. — Куда ты пойдешь? На ручей к Торху голый придешь? Он нас и на край частокола не пустит. У него в землянках младенцы каждую ночь синеют, он чужие рты считать умеет. Нам платить ему нечем. Шкурки куньи его бабы только на онучи порежут. А этот камень… этот камень тяжёлый. Я чую, как от него тепло идет. Заверни его в шкуру лося. Перетяни лыком, крепко вяжи. Мы этот кусок Торху на межевой валун вывалим. Пускай подавится, а род наш к очагу пустит. Если не примет — к Борятиным варягам пойдем под ворота. Жрать захочешь — и к мертвецам в нору полезешь. Вяжи, кому говорю.

Сын, мелко дрожа от страха и пронизывающего лесного сквозняка, опустился на колени. Шкура лося была жёсткой, примерзшей, она неохотно поддавалась пальцам. Ждан стоял над ним, опираясь на топор, и чувствовал, как глубоко под базальтовой подошвой залома идет ровный, зловещий гул.

Глава 3. Полудница

Земля трескалась со звуком рвущегося сыромятного ремня. Засуха застряла в вятической пади на три луны, выпив болотные ручьи до самой ржавой, известковой подошвы. Пшеница на крошечном кулижском поле не созрела — колос почернел, согнулся к сухой колее и покрылся липкой, спорыньевой гнилью. Торх сидел на межевом валуне, поджав под себя иссохшие, покрытые серой корой ноги. Его правый глаз был затянут бельмом от постоянного дыма очага, но левый — мутный, расчётливый — смотрел на поле без мистического благоговения. Старейшина был закоренелым прагматиком. Земляная кора разошлась глубокими, рваными зигзагами, обнажая белые, известняковые ребра плиты, похожие на расколотые берцовые кости.

Воздух над полем в полдень не просто нагрелся — он сгустился до состояния горячего, дрожащего студня. Слепни звенели так сильно, что этот зуммер вибрировал в челюстных костях, вызывая тошноту и глухую, давящую боль в затылке. Из раскаленного марева над пшеницей поднялся силуэт. Полудница в Эпоху Камня была осязаемой, тяжёлой массой из раскаленного зноя, гнилой соломы и серых ребер павшего скота, скрепленных между собой подсохшей сукровицей. Тварь двигалась рывками, ломая сухие стебли с костедробительным хрустом. Пахло паленым волосом и тухлым костным мозгом.

Торх не шевелился. Мираж голода и теплового перегруза плиты косил детей в норах. Справа от валуна, в пересохшем логу, лежал костяк коровы — третья падеж за декаду. Внутри черепа, где мозг вытек и высох, устроилось осиное гнездо. Тяжелый, низкий гул насекомых сливался со звоном Полудницы. Люди в землянках жрали вареную заболонь ели, смешанную с толченой костью. Их животы раздувались, как кожаные мехи для дегтя, а кожа синела вокруг ногтей. На лавках оставалось три туши на двадцать голодных ртов. Математика голода требовала жёсткой отбраковки шлака. Старейшина хладнокровно прикинул: если не убрать лишние рты сейчас, к весенней оттепели в пади вымрут все.

Он видел, как на другом конце поля, у сухого русла ручья, Одоба пытается поднять на ноги Нежу. Девочка была лёгкой, как сухой прут, её губы покрылись соляной коркой, а под кожей на шее вздувались мелкие водянистые пузыри. Торх мазнул пальцем по шероховатой поверхности валуна. Камень был горячим, как наковальня. Земля требовала жертвы.

— Ну чё ты там застыл, как пень горелый? — Торх сплюнул под ноги тягучую желтую жижу от сосновой коры, не поворачивая слепого бельма к подошедшему Одобе. — Волочи девку к лазу, пока Полудница весь частокол не выжгла. Нечего ей тут на солнцепеке дурить.

— Она пить просит, Торх… — Одоба тяжело дышал, удерживая сестру за худые плечи. Его пальцы скользили по её мокрой от пота коже. — Ручей сухой. В колодце одна ржавчина известковая осталась. Набери бабам из старого залома…

— Из залома? — Торх хрипло, злобно хохотнул, и этот смех перешёл в сухой чахоточный кашель. — Из залома ты только гниль болотную наберешь, чтоб младенцы к вечеру кровью ходить начали. Нету воды, отрок. Земля сухая, как череп коровий. Ждан из лесного рода на заставу просится, притащил в шкуре какую-то херню тяжёлую, фиолетовую… Но я его людей без цены не пущу. Пускай первенца своего ведет на этот валун до заката. Будем резать под самый комель. Земле кровь нужна, теплая кровь, чтоб эту сушь остудить. А девку твою… девку твою старухи пускай льном обмотают. Ей не пить надо, ей контур заземлить пора, пока нас тут всех заживо не запрессовало. Живее шевелись, щепа. Княжьи люди Боряты уже у бродов коней поят, скоро тут будут.

Одоба смолчал, но его пальцы так крепко сжали дубовое топорище секиры, что сухая кожа на ладонях лопнула, пустив тонкую струйку темной сукровицы.

Глава 4. Треба

Мир Нежи сузился до размеров темного угла за перегородкой землянки, где пахло сушеной беленой, старым бараньим жиром и мокрыми собачьими шкурами. В темноте норы было трудно дышать: сырой угар от потухшего очага стлался по полу, застревая в волокнах рогожи. Пальцы на её руках больше не слушались — Торх велел старухам плотно обмотать её запястья жёсткими серыми нитями сырого льна. Сырые волокна врезались в мясо, останавливая кровь, и пальцы Нежи стали холодными, белыми, как обточенные водой речные ракушки. Страха не было — старуха Малуша с полудня поила её горьким, склизким отваром болиголова и тертой белены. Ядовитый сок выключал рецепторы, стирая остатки человеческой личности. Она больше не помнила, сколько ей зим и когда она в последний раз видела солнце над кулижкой — мысли путались, сменяясь тупым, мерным гулом, шедшим от земляного пола.

— Лежи тихо, девка, не егози, — прошамкала Малуша, сильно прижимая своими костлявыми, пахнущими гнилой рыбой пальцами плечо Нежи к подстилке. — Твой брат за тебя договорился. Младшего Жданенка из лесу привели, живой пацан, дышит ещё. Одоба вместо него под обух пошёл помогать. Лежи, контур держи, не ломай нитку. Мокошь два раза узел не вяжет.

Нежа закрыла глаза. В мареве отвара ей привиделся странный, невозможный сон: огромный железный монстр с ревущим дизелем вгрызается зубьями ковша в её межевой камень, высекая фиолетовые искры короткого замыкания. Она видела мужчину в серой спецовке — инженера Макара, у которого точно так же, до мяса, были содраны пальцы, а во рту стоял вкус известковой щелочи. Этот чужой человек из будущего тянул к ней руку сквозь толщу десяти веков, пытаясь разорвать льняные нити на её запястьях. Вспышки натриевых ламп ГЩУ две тысячи двадцать шестого года шоркали по её слепым векам. Эпохи сливались в один силовой шлейф: Нежа видела кабель-каналы Сити, прорастающие сквозь ребра зарытого под её ногами раба-лесовика.

Сквозь узкие щели между дубовыми плахами перегородки она слышала, что происходило у порога. Там Торх точил костяной нож об обломок серого известняка. Звук был мерным, скользящим: *ших-ших-ших*. Под полом землянки с сухим хрустом лопнул лед, сковавший грунтовые воды. Этот хруст мешался со звенящим визгом Полудницы на поле. Воздух за перегородкой звенел, как натянутый стальной трос. Нежа слышала, как трещат сухие сучья под

тяжелыми шагами мужчин, тащивших к порогу связанного старшего сына Ждана. Парень не выл — его рот был забит сухой соломой и замазан бараньим жиром, сквозь который доносился лишь глухой, утробный хрип задыхающегося тела.

Туго натянутый лен на предплечьях зазвенел в её ушах, как натянутая тетива лука. Ей казалось, что из пор её пальцев медленно сочится густая, холодная синева. Навь принимала её нервные окончания в свою общую сеть. Старуха в углу зажгла вторую лучину, и тусклый рыжий дым пополз по потолочным жердям, смешиваясь с испарениями болиголова. Голова Нежи стала тяжёлой, известковой, потерявшей человеческие мысли. Она больше не принадлежала органической Яви. Настил под её спиной мелко, непрерывно завибрировал — Полудница на поле подошла к самому частоколу, замыкая кольцо на её тело. Нежа зафиксировалась в пространстве как центральный узел. Её онемевшие ноги налились свинцовой плотностью, привязывая контур конструкции к базальтовому основанию шурфа. Торх за перегородкой медленно поднялся, перехватывая нож поближе к лезвию.

Глава 5. Первая кровь

Тяжесть мёртвого тела удивляла. Одоба не думал, что человек без дыхания весит так много. Словно глина холма сразу забирает его структуру себе, наливая кости свинцовым весом. Каждая мышца покойника становилась твердой, как промерзший лиственничный комель, теряя человеческую мягкость.

Они волокли пленного лесовика — старшего сына Ждана — к порогу полуземлянки в глубоких сумерках. Пахло мокрой дерюгой, свежей кровью, застарелым дерьмом и едким, вяжущим запахом каленой извести, которой старухи обмазали углы лаза. Никакого пафоса не было — была рутина обычного физиологического насилия. Одоба согласился держать ноги жертвы не из верности Торху. Старейшина накануне объявил, что если лесной род не даст требу под порог башни, Торх лично вышвырнет младшего сына Ждана — семилетнего мальчишку — Полуднице на съедение. Одоба пошёл в палачи сознательно, чтобы спасти пацана, ломя собственный страх перед кровью и делая первый шаг по пути превращения в Оружие межи. Он зажал лодыжки парня своими обгорелыми пальцами, упираясь пятками в скользкий глиняный срез ямы.

Торх держал парня за волосы, вжимая его затылок в сырой земляной пол. Раб не кричал — его гортань заранее забили сухим мхом и перетянули лыком, чтобы визг не нарушил частоту ритуала. Он только мычал, пуская носом кровавые, пузырящиеся сгустки.

— Держи крепче, порченый! — прохрипел Торх, наваливаясь всем весом своего костлявого колена на грудь лесовика. Посох старейшины валялся в грязи, об обледенелую жилу коры лениво терся испуганный трехногий щенок Одобы, забившийся под плетень. — Держи за жилы, лопнет ведь! Глина сырая, обжима не даст, если парень дернется!

Одоба зажмурился и навалился всем весом на лодыжки пленного. Звук был мерзким — плотное, влажное чавканье и короткий костяной хруст, словно переломили сухую ольховую ветку. Кровь хлестала на деревянный порог, работая как жидкий аналоговый электролит. Первобытные правила требовали полной пропитки древесины для фиксации периметра. Обрубок бревна жадно впитывал багровую жижу, синея на глазах и покрываясь липкой дегтярной пленкой. Кровь хлестала толчками, заливая пальцы Одобы, пропитывая трещины на коже и въедаясь глубоко под ногти вместе с торфяным субстратом ландшафта. Это не было магическим очищением, это была жёсткая биологическая пропитка плоти.

Они закопали его прямо там. Под порогом. На берегу ручья, на глубине двух штыков костяной лопаты. Сверху набросали колотый речной известняк, перемешанный со слоем жирной сине-чёрной глины, и плотно утрамбовали землю сапогами. Они превращали могилу лесовика в деформационный шов строения. Это был холодный технический расчёт: без биологи-

ческого каркаса под основанием Навь за две зимы вывернула бы нижние венцы сруба наружу вместе с грунтовыми водами. Труп в фундаменте служил постоянным заземляющим сердечником, стабилизирующим осадку башни и удерживающим тепло внутри норы за счет энергии разложения ткани. Избыточный, тлеющий ампераж человеческой смерти впекался в основание вала.

Черный узор на его предплечьях, приняв этот первый предсмертный хрип, вздулся. Налился тупой, мёртвой синевой. Одоба сжал кулак, и кости внутри его руки отозвались сухим металлическим звоном. В ту же самую секунду сквозь толщу десяти веков инженер Макар внутри ГЩУ Москвы судорожно выгнулся спиной на шинах заземления. Баланс емкости замкнулся: Макар физически ощутил этот хруст берцовой кости лесовика в своих собственных ключицах, а из его носа на приборную панель сороковых годов толчками пошла теплая, пахнущая озоном кровь, считывая палеолитический код заложения. Одоба утер лицо грязным рукавом, оставив на скуле жирный маслянистый след. Он подошёл к плетню, поднял за шкирку дрожащего трехногого щенка и сунул его запазуху, чувствуя, как бьется маленькое сердце. Он понял, что система зафиксировала его как свой первый силовой элемент. Жилы под его серой кожей натянулись, завязавшись в BIOS ландшафта, и обратного пути в Явь для него больше не существовало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.